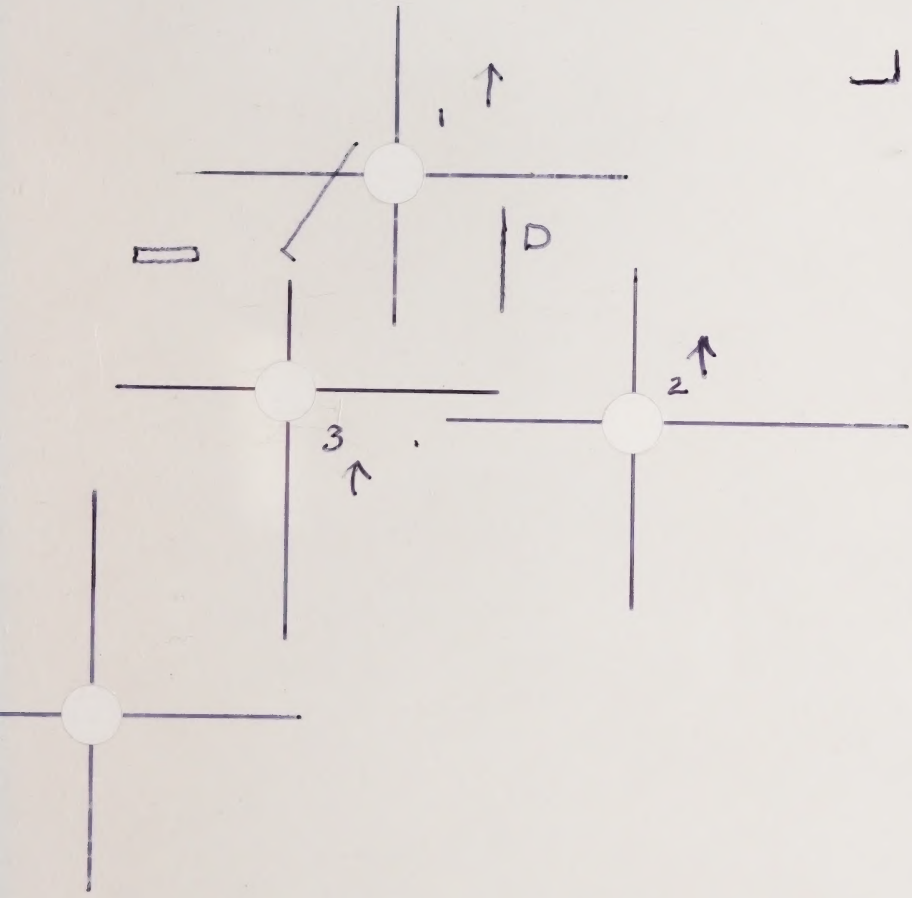
МАЯКОВСКИЙ

ДЛЯ ГОЛОСА



Lissitzky
85B4888-2

Nissitsica
AZB4888-2

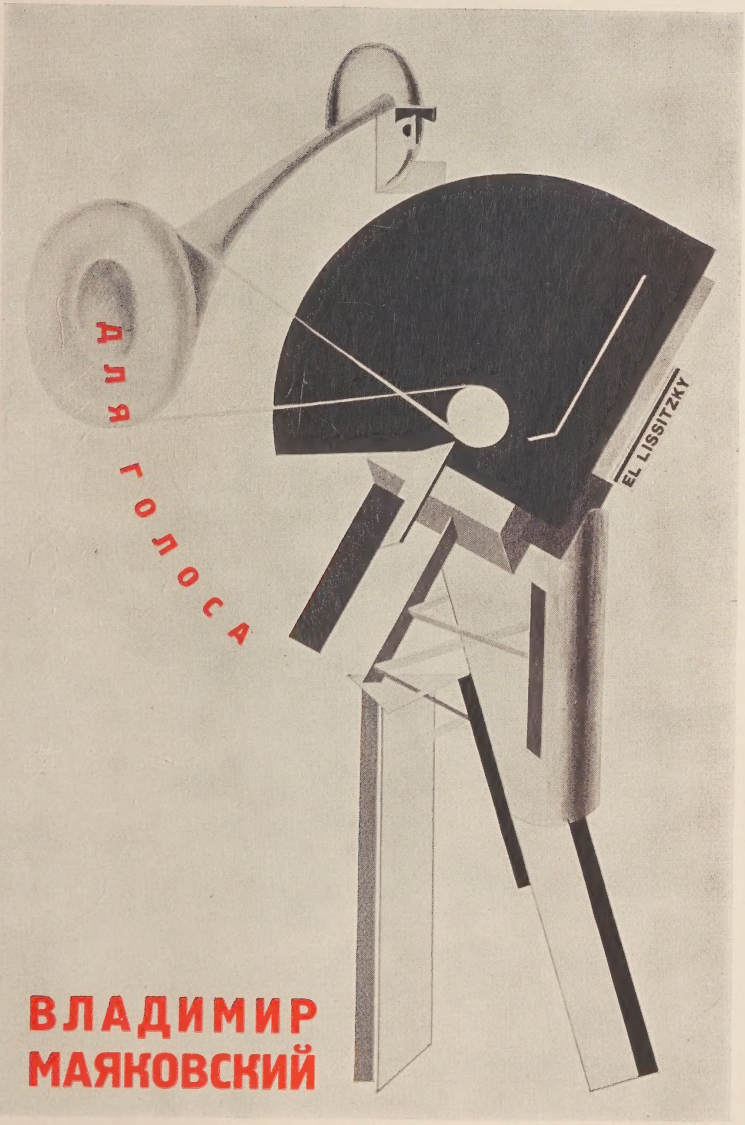
Digitized by the Internet Archive
in 2025 with funding from
Getty Research Institute

https://archive.org/details/dliagolosavladim02maya

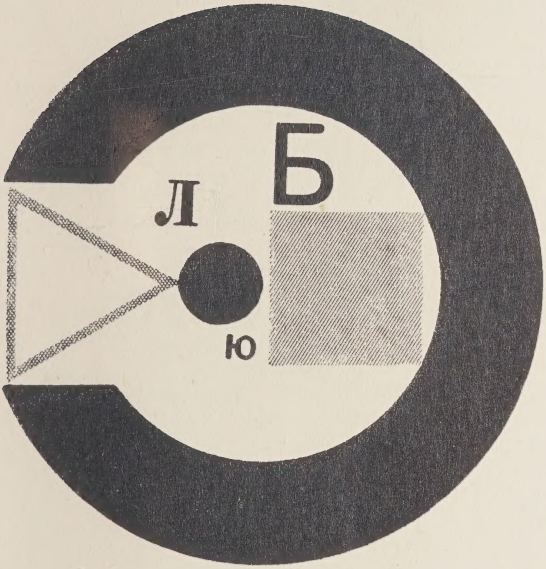
КОНСТРУКТОР КНИГИ

ЭЛ ЛИСИЦКИЙ

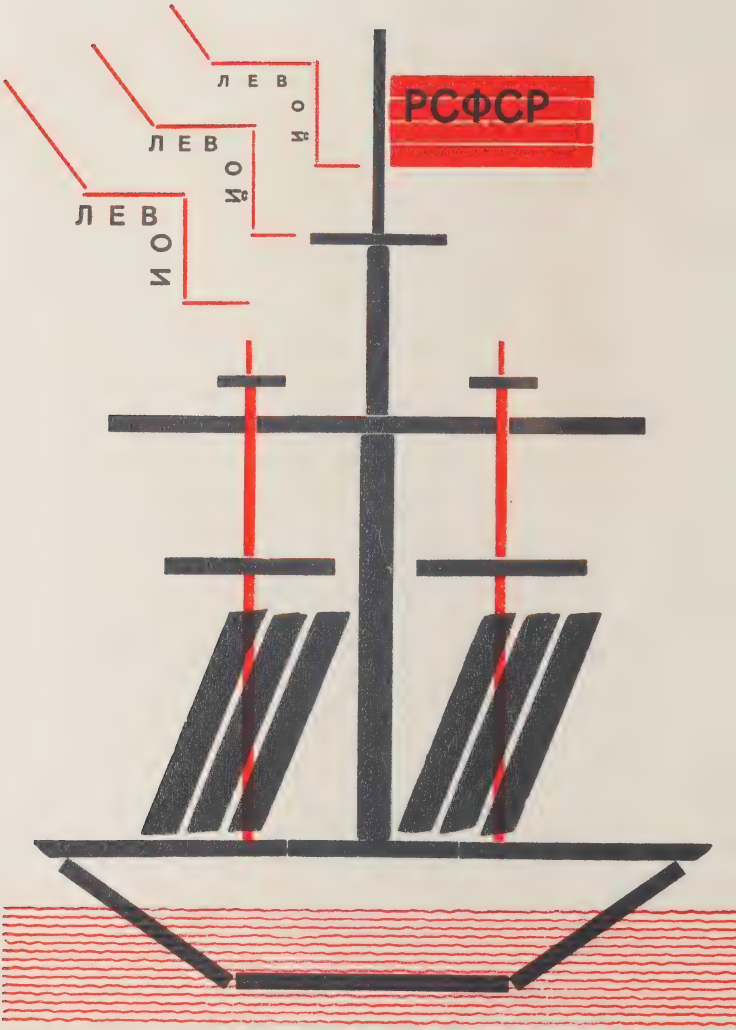
ТИПОГРАФИЯ
LUTZE & VOGT G·M·B·H
BERLIN SW 48



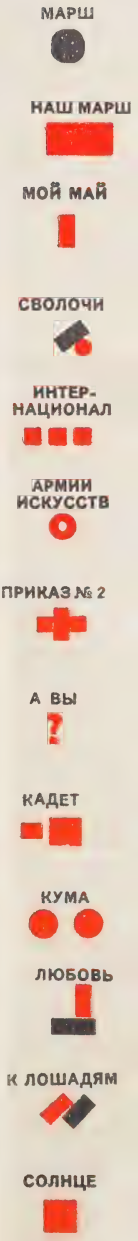
ВЛАДИМИР МАЯКОВСКИЙ


Л
Б
Ю

Р. С. Ф. С. Р.
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
БЕРЛИН 1923


ЛЕВОЙ
ЛЕВОЙ
ЛЕВОЙ
РСФСР

Разворачивайтесь в марше!
Словесной не место кляузе.
Тише, ораторы!



Ваше
слово,
товарищ Маузер.
Довольно жить законом,
данным Адамом и Евой.
Клячу истории загоним,
Левой!
Левой!
Левой!
Эй, синеблузые,
Рейте!
За океаны!
Или
у броненосцев на рейде
ступлены острые кили?
Пусть,
оскалясь короной,
вздымает британский лев вой.
Коммуне не быть покоренной.
Левой!
Левой!
Левой!
Там,
за горами горя,
солнечный край непочатый.
За голод,
За мора моря
Шаг миллионный печатай.
Пусть бандой окружат нанятой,
стальной изливаются леевой —

России не быть под Антантой.
Левой!
Левой!
Левой!
Глаз ли померкнет орлий?
В старое ль станем пялиться?
Крепи
у мира на горле
пролетариата пальцы!
Грудью вперед бравой!
Флагами небо оклеивай!
Кто там шагает правой?
Левой!
Левой!
Левой!

НАШ МАРШ

МОЙ МАЙ

СВОЛОЧИ

ИНТЕР-
НАЦИОНАЛ

АРМИИ
ИСКУССТВ

ПРИКАЗ № 2

А ВЫ

КАДЕТ

КУМА

ЛЮБОВЬ

К ЛОШАДЯМ

СОЛНЦЕ

Бой

Бейте в площади бунтов топот!
Выше гордых голов гряда!
Мы разливом второго потопа
перемоем миров города.

НАШ МАРШ
МОЙ МАЙ
СВОЛОЧИ
ИНТЕР-НАЦИОНАЛ
АРМИИ ИСКУССТВ
ПРИКАЗ № 2
А ВЫ ?
КАДЕТ
КУМА
ЛЮБОВЬ
К ЛОШАДЯМ
СОЛНЦЕ

Дней бык пег.
Медленна лет арба.
Наш бог бег.
Сердце наш барбан.

Есть ли наших золот небесней?
Нас ли сжалит пули оса?
Наше оружие — наши песни.
Наше золото — звенящие голоса.

Зеленью ляг луг,
Выстели дно дням,
Радуга дай дуг
лет быстролетным коням.

Видите скушно звезд небу
без него наши песни вьем!
Эй Большая Медведица требуй!
чтобы на небо нас взяли живьем.

Радости пей, пой!
В жилах весна разлита.
Сердце бей бой!
Грудь наша медь литавр.

Всем
на улицы вышедшим,
тело машиной измаяв.
Всем
молящим о празднике
спинам,
землею натруженным —
Первое мая
Первый из маев

МОЙ МАЙ

СВОЛОЧИ

ИНТЕР-
НАЦИОНАЛ

АРМИИ
ИСКУССТВ

ПРИКАЗ № 2

А ВЫ
?

КАДЕТ

КУМА

ЛЮБОВЬ

К ЛОШАДЯМ

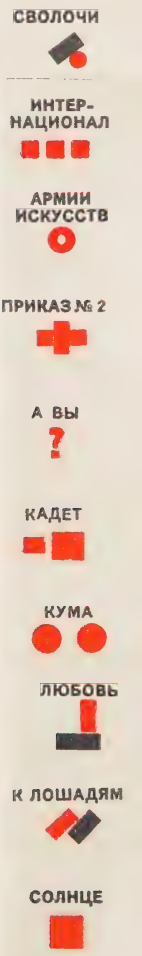
СОЛНЦЕ

встретим, товарищи,
голосом в пение сдруженным,
Веснами мир мой
солнцем снежное тай.
Я рабочий —
этот май мой,
Я крестьянин —
это мой май.

Всем —
Для убийств залегшим
злобу окопов измеив
Всем —
с броненосцев
на братьев
пушками
вцеливших люки,
Первое мая,
Первый из маев
славьте,
сплетая войной разобщенные руки.
Молкнь винтовки вой,
Тихнь пулемета лай.
Я солдат —
Этот май мой.
Я матрос —
Это мой май.

Всем домам
Площадям

Улицам
Сжатым льдяной зимой.
Всем
изглоданным голодом
Селам,
Степям,
Нивам —
Первое мая,
Первый из маев славьте
рождений трудом
плодородий разливом.
Зелень полей пой.
Дым гудков вздымай.
Я земля
Этот май мой.
Я завод
Это мой май.



LONDON
PARIS
Berlin
CAMAPA
CAMPA
AAA

СВОЛОЧИ!

ГВОЗДИМЫЕ СТРОКАМИ
СТОЙТЕ НЕМЫ!
СЛУШАЙТЕ ЭТОТ ВОЛЧИЙ ВОЙ,
ЕЛЕ ПРИКИДЫВАЮЩИЙСЯ ПОЭМОЙ!

СВОЛОЧИ

ИНТЕР-
НАЦИОНАЛ

АРМИИ
ИСКУССТВ

ПРИКАЗ № 2

А ВЫ

КАДЕТ

КУМА

ЛЮБОВЬ

К ЛОШАДЯМ

СОЛНЦЕ

Дайте сюда
самого жирного,
самого плешивого.
За шиворот
ткну в отчет Помгола.
Смотри.

Видишь?
За цифрой голой...

Ветер рванулся.
Рванулся и тише...
Снова снегами сгреб,
Тысяче —
миллионо-крыший,
волжских селений гроб.
Трубы —
гробовые свечи.
Даже вороны
исчезают,
чуя,
что дымясь
тянется слащавый,
тошнотворный
дух
зажариваемых мяс.
Сына?
Отца?
Матери?
Дочери?
Чья?
Чья в людоедчестве очередь?
Помощи не будет.
Отрезаны снегами.
Помощи не будет.
Воздух пуст.
Помощи не будет.
Под ногами
даже глина сожрана,
даже куст.

ИНТЕР-НАЦИОНАЛ
АРМИИ ИСКУССТВ
ПРИКАЗ № 2
А ВЫ ?
КАДЕТ
КУМА
ЛЮБОВЬ
К ЛОШАДЯМ
СОЛНЦЕ

Нет,
Не помогут.
Надо сдаваться.
В 10 губерний могилу вымеряйте.
Двадцать
миллионов.
Двадцать —
Ложитесь.
Вымрите.
Только одна,
осипшим голосом,
сумасшедшие проклятия мятелями меля,
рек,
дорог снеговые волосы
ветром рвя, рыдает земля.

„Хлеба.
Хлебушка.
Хлебца.“

Сам смотрящий смерть воочию,
еле едящий,
только б не сдох, —
тянет город руку рабочую
горстью сухих крох.

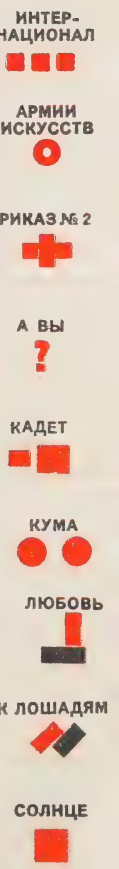
Хлеба!
Хлебушка!
Хлебца!

Радио ревет за все границы.
И в ответ
за нелепицей нелепица
сыплется в газетные страницы.

„Лондон.
Банкет.
Присутствие короля и королевы.
Жрущих—не вместишь в раззолоченные хлевы.“

Будьте прокляты!
Пусть
За Вашей головой венчанной
из колоний
дикари придут,
Питаемые человечиной.
Пусть
горят над королевством
бунтов зарева.
Пусть
столицы Ваши
будут выжжены до тла.
Пусть из наследников,
из наследниц варево
варится в коронах — котлах.

„Париж.
Собрались парламентарии,
Доклад о голоде,
Фритиоф Нансен.



С улыбкой слушали —
Будто соловьиные арии —
Будто тенора слушали в модном романсе.“

Будьте прокляты!
Пусть
вовеки
Вам
не слышать речи человечьей.
Пролетарий французский!
Эй!
Стягивай петлею вместо речи
толщу непроходимых шей.
„Вашингтон.
Фермеры
доевшие,
допившие
до того,
что лебедками подымают пузы,
В океане
пшеницу
от излишества топившие, —
топят паровозы грузом кукурузы.“

Будьте прокляты!
Пусть
ваши улицы
бунтом будут запружены.
Выбрав
место, где более больно, —

пусть
по Америке —
по Северной,
по Южной —
гонят
брюх Ваших
мячище футбольный.

„Берлин.
Отживает эмиграция.
Банды радуются:
с голодным драться им.
По Берлину,
закручивая усик,
ходят,
Хвастаются:
— Патриот.

„Берлин.
Будьте прокляты!
Вечное „вон“ им.
Всех отвращая Иудьим видом,
Французского золота преследуемые звоном,
скитайтесь чужбинами вечным жидом.

Леса российские
Соберитесь все.
Выберите по самой большой осине,
чтоб образ ихний
вечно висел,
под самым небом качался, синий.

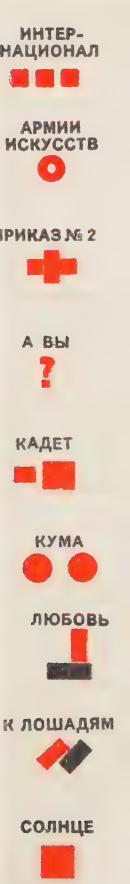
„Москва.
Жалоба сборщицы:
В „Ампирах“ морщатся
Или дадут
тридцатирублевку,
вышедшую из употребления в 1918 году.“

Будьте прокляты!
Пусть будет так,
чтоб каждый проглоченный
глоток
желудок жег.
Чтоб ножницами оборачивался бифштекс сочный,
вспарывая стенки кишек.

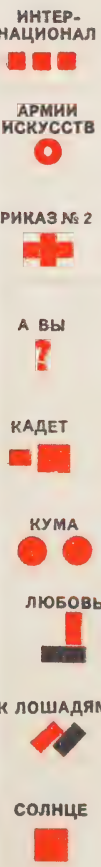
Вымрет.
Вымрет 20 миллионов человек.
Именем всех упокоенных тут —
проклятие отныне,
Проклятие вовек,
от Волги отвернувшим морд толстоту.
Это слово не к жирному пузу,
Это слово не к царскому трону, —
В сердце таком
слова ничего не тронут;
Трогают их революций штыком.

Вам, —
несметной армии частицам малым,
порох мира,

силой чьей,
силой,
брошенной по всем подвалам,
будет взорван
мир несметных богачей.
Вам. Вам. Вам.
Эти слова вот:
цифрами верстовыми,
вмещающимися едва
Запишите Волгу буржуазии в счет.
Будет день —
пожар всесветный,
чистящий и чадный.
Выворачивая богачей палаты,
будьте так же,
будьте беспощадны
в этот час расплаты.



Мы идем
революционной лавой,
Над рядами
Флаг пожаров ал,
Наш вождь
миллионоглавый
Третий интернационал.
В стены столетий
воль вал
Бьет третий
интернационал.



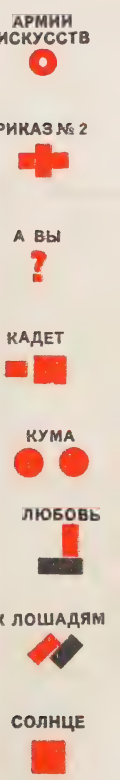
Мы идем.
Рядов разливу нет истока,
Волнам красных армий нету устья,
Пояс красных армий
к западу
с востока,
опоясав землю,
полюсами пустим
Нации — сети.
Мир мал.
Ширься третий
интернационал.

Мы идем.
Рабочий мира слушай.
Революция идет.
Восток в шагах восстаний.
За Европой
Океанами пройдем, что сушей,
Красный флаг
на крышах Нью-Йоркских зданий.
В новом свете
и старом ал
встанет третий
интернационал.

Мы идем.
Вставайте цветнокожие колоний,
Белые рабы империй —
встаньте.

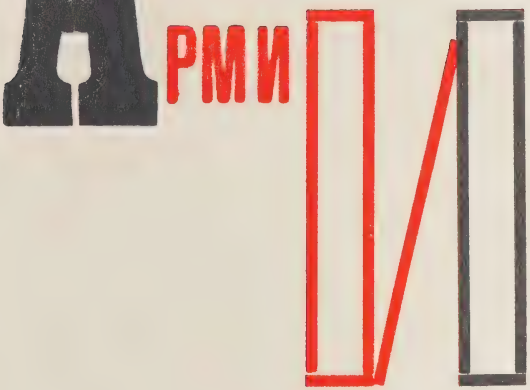
Бой решит
рабочим властовать у мира в лоне
или войнами звереть антанте.
Те или эти?
Мир мал,
К оружию,
третий
интернационал!

Мы идем
миры разделать раем
Свалят нас —
за нами
миллион других.
Будет герб вселенной —
Серп,
огнем играя,
перекрещен с молотом радугой дуги.
Выше лейте
песни вал,
Да здраствует,
третий
Интернационал.



ПРИКАЗ

ПО АРМИИ ИСКУССТВ



—СТВ

АРМИИ ИСКУССТВ

ПРИКАЗ № 2

А ВЫ

?

КАДЕТ

КУМА

ЛЮБОВЬ

К ЛОШАДЯМ

СОЛНЦЕ

Канителят стариков бригады
канитель одну и ту ж,
Товарищи!
На баррикады!
баррикады сердец и душ.
Только тот коммунист истый
— кто мосты к отступлению сжег.
Довольно шагать, футуристы —
в будущее прыжок!
Паровоз построить мало —
накрутил колес и утек.
Если песнь не громит вокзала,
то к чему переменный ток?
Громоздите за звуком звук вы
и вперед,
поя и свища.
Есть еще хорошие буквы
э**Р**
Ша
Ща
Это мало построить парами,
распушить по штанине канты.
Все совдепы не сдвинут армий,
если марш не дадут музыканты.
На улицу тащите рояли,
барабанъ из окна багром
Барабан
рояль раскроя-ли
но чтоб грохот был.
Чтоб гром.

Это что — корпеть на заводах,
перемазать рожу в копоть
и на роскошь чужую
в отдых
осовелыми глазками хлопать.
Довольно грошевых истин.
Из сердца старое вытри.
Улицы наши кисти.
Площади наши палитры.
Книгой времени тысячелистой
революции дни не воспеты.
На улицы футуристы —
барабанщики и поэты!

ЭТО
ВАМ
ОТЄ
МАВ

ПРИКАЗ

№ 2

ПО АРМИЯМ ИСКУССТВ

ПРИКАЗ № 2

А ВЫ

КАДЕТ

КУМА

ЛЮБОВЬ

К ЛОШАДЯМ

СОЛНЦЕ

Это Вам —
упитанные баритоны —
от Адама
до наших лет,
потрясающие, театрами именуемые,
притоны,
ариями Ромеов и Джульет.

Это Вам —
пентры,
раздобревшие, как кони, —
жрущая и ржущая России краса,
прягущаяся мастерскими,
по старому драконя
цветочки и телеса.

Это вам —
прикрывшиеся листиками мистики,
лбы морщинками изрыв —
футуристики,
имажинистики,
запутавшиеся в паутине рифм.

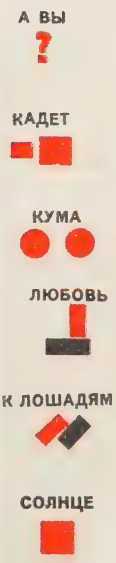
Это вам —
на растрепанные сменившим
гладкие прически,
на лапти — лак,
пролеткультцы, —
кладущие заплатки
на вылинявший Пушкинский фрак.

Это вам —
пляшущие, в дуду дующие,
и открыто предающиеся,
и грешащие тайком,
рисующие себе грядущее
огромным академическим пайком.

Вам говорю
я —
гениален ли я или не гениален,
бросивший безделушки
и работающий в Росте
говорю вам —
пока Вас прикладами не прогнали.
Бросьте!

Бросьте!
Забудьте,
плюньте,
и на рифмы,
и на арии,
и на розовый куст,
и на прочие мерехлюндии
из арсеналов искусств.

Кому это интересно,
Что — „ах, вот, бедненький.
Как он любил!
и каким он был несчастным?..“



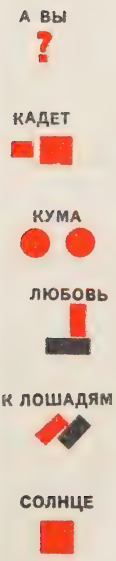
Мастера,
а не длинноволосые проповедники
нужны сейчас нам!
Слушайте!
Паровозы стонут,
дует в щели и в пол,
„Дайте уголь с Дону!
Слесарей,
механиков в Депо."

У каждой реки на истоке
Лежа с дырой в боку,
Пароходы провыли доки: —
„Дайте нефть из Баку." — !

Пока канителим, спорим,
Смысл сокровенный ища:
„Дайте нам новые формы."!
несется вопль по вещам.

Нет дураков,
ждя, что выйдет из уст его,
стоят перед „маэстрами" толпой
разинь.

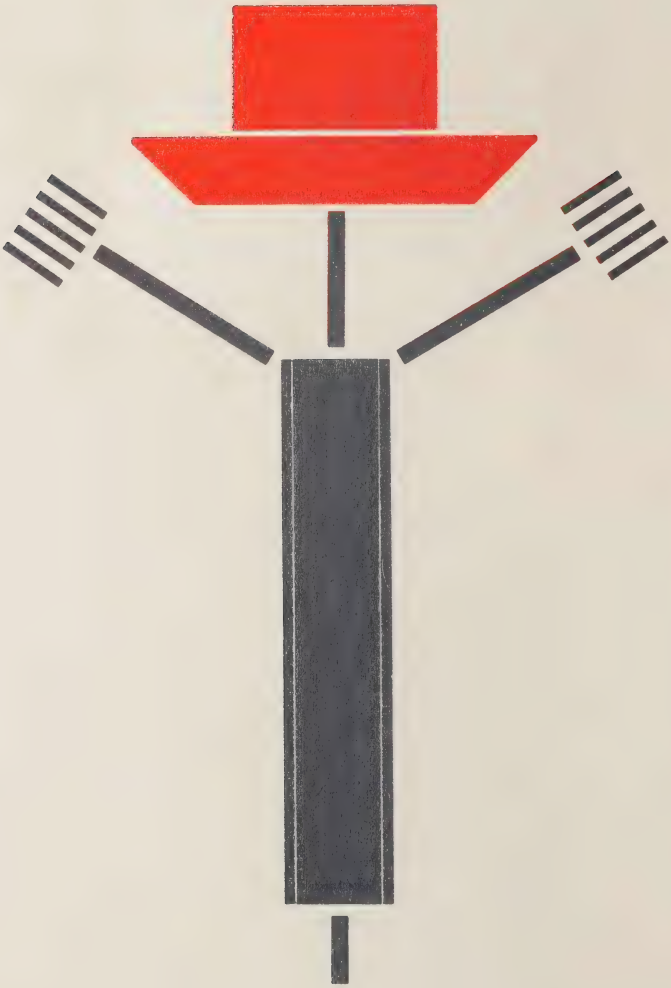
Товарищи,
дайте новое искусство:
такое чтоб выволочь Республику из
грязи.



А
В-
Б-
ы

а вы могли бы?

Я сразу смазал карту будня,
плеснувши краску из стакана.
Я показал на блюде студня
косые скулы океана.
На чешуе жестяной рыбы
прочел я зовы новых губ.
А вы
ноктюрн сыграть
могли бы
на флейте водосточных труб?



СКАЗКА О КРАСНОЙ ШАПОЧКЕ

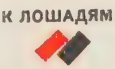
Жил да был на свете кадет,
В красную шапочку кадет был одет.
Кроме этой шапочки, доставшейся кадету,
ни черта в нем красного не было и нету.
Услышит кадет — революция где-то
шапочка сейчас-же на голове кадета.
Жили припеваючи за кадетом кадет
и отец кадета, и кадетов дед.

Поднялся однажды пребольшущий ветер —
в клочья шапченку изорвал на кадете.

И остался он черный, а видевшие это,
волки революции сцапали кадета.

Известно какая у волков диэта:
вместе с манжетами сожрали кадета.

Когда будете делать политику, дети,
не забудьте сказочку об этом кадете.



РАССКАЗ ПРО ТО

как КУМА

О ВРАНГЕЛЕ

ТОРГОВАЛА

БЕЗ ВСЯКОГО УМА

СТАРАЯ, НО ПОЛЕЗНАЯ ИСТОРИЯ

Врангель прет.
Отходим мы.
Врангелю удача.
На базаре
две кумы
вставши в хвост судачат:
„Кум сказал —
а в ем ума —
я то куму верю,
что барон-то,
слышь кума,
меж Москвой и Тверью.
В Кремль, мол, в'еду на вечер —
не было б лишь лень нам...
В ероплане
давеча
Троцкий скрылся с Лениным.
Чуть не даром
все
в Твери
стало продаваться,
пуд крупчатки...
— Ну
не ври —!
Пуд за рубль за двадцать,
А вина — скажу я вам!
Дух над Тверью водочный,
Пьяных
лично
по домам
водит околодочный.

Влюблены в барона, власть — левые и правые!

Ну не власть, а прямо сласть,
просто равноправие."

Встали ртом ловя ворон,
Скоро-ли примчится?
Скоро-ль будет царь барон
и белая мучица.

Шел волшебник мимо их.
— На, — сказалъ он бабе —
скороходы сапоги,
к Врангелю зашла-бы. —
В миг обувшись
шага в три
в Тверь кума на это.
Кум сбрехнул ей:
во Твери
власть стоит Советов.
Мчала баба суток пять
рвала юбки в ветре,
чтоб баронский увидать
флаг на Ай-Петри.

Разогнавшись с дальних стран,
удержаться силясь,
баба
прямо
в ресторан
в Ялте опустилась.

В Грандотеле
семгу жрет
Врангель толсторожий.
Разевает баба рот
на рыбешку тоже.
Метр д'отель
желанья те
зрит
и на подносе
ей
саженный метр д'отель
карточку подносит.
Все в копеечной цене.
С'ехал сдуру разум.
Молвит баба:
— Дайте мне
всю программу разом. —

От лакеев мчится пыль.
Прошибает пот их.
Мчат котлеты и супы,
вина и компоты.
Уж из глаз еда течет
у разбухшей бабы.!
Наконец-то
просит счет
бабин голос слабый.
Вся собралась публика.
Стали щелкать счеты.

ЛЮБОВЬ
К ЛОШАДЯМ
СОЛНЦЕ

Сто четыре рублика
выведено в счете.

Что такая сумма ей?!
Даром!
С неба манна.
Двести вынула рублей
баба из кармана.

Отскочил хозяин.
— Нет. —!
(Бледность мелом в роже)
— Наш то рупь не в той цене!
Наш в милльон дороже! —
Завопил хозяин лют
— Знаешь разницу валют?
Беспартошных нету тут!
Генералы тута пьют! —
Возопил хозяин в яри
— Это, тетка, что-же!
Этак
каждый пролетарий
жрать захочет тоже! —
—Будешь знать как есть и пить,—!
все завыли в злости.
Стал хозяин тетку бить,
метр д'отель
и гости.

Околодочный
на шум

прибежал из части.
Взвыла баба:
— Ой!
прошу!
защитите власти! —
Как подняла власть сия
с шпорой сапожище...
Как полезла
мигом вся
вспять
из бабы
пища.

— Много, молвит, благ в Крыму —
только для буржуя,
а тебя
мою куму
в часть препровожу я. —
Влезла
тетка
в скороход
пред тюремной дверью.
Как задала тетка ход —
в Эрэсэфесерию.

Бабу видели мою
наши обыватели?
не хотите
в том раю
сами побывать-ли?

ВОЕННО-МОРСКАЯ
ЛЮБОВЬ

По морям, играя носится
с миноносцем миноносица.

Льнет, как будто к меду осочка
к миноносцу миноносочка.

И конца-б не довелось ему
благодушью миноносьему.

Вдруг прожектор, вздев на нос очки,
впился в спину миноносочки.

Как взревет медноголосина:
„Р-р-р-астакая миноносина.“!

Прямо-ль, влево-ль, вправо-ль броситься,
а сбежала миноносица.

Но ударить удалось ему
по ребру по миноносьему.

Плачь и вой морями носится:
овдовела миноносица.

И чего это несносен нам
Мир в семействе миноносином!

ЛЮБОВЬ

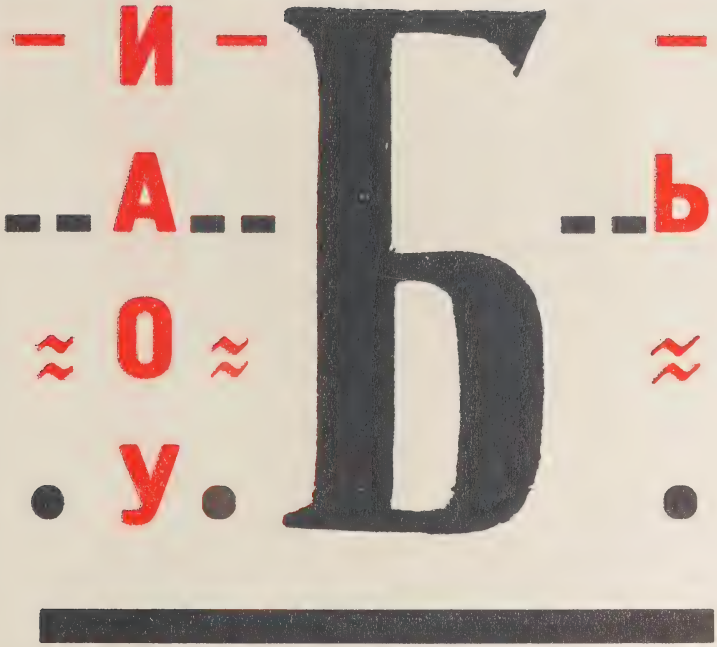
К ЛОШАДЯМ

СОЛНЦЕ

ГР

ХОРОШЕЕ ОТНОШЕНИЕ

К ЛОШАДЯМ



Били копыта
пели будто:
— ГРИБ
ГРАБЬ
ГРОБ
ГРУБ —

К ЛОШАДЯМ

СОЛНЦЕ

Ветром опита,
льдом обута
улица скользила.
Лошадь на круп
грохнулась.
И сразу
за зевакой зеваки,
штаны пришедшие Кузнецким клошить,
сгрудились.
Смех зазвенел и зазвякал
— лошадь упала —
— упала лошадь —
Смеялся Кузнецкий.
Лишь один я
голос свой не вмешивал в вой ему,
подошел и вижу:
глаза лошадиные...
улица опрокинулась...
течет по своему...
Подошел я и вижу:
за каплищей каплища
по морде катится,
прячется в шерсти...
и какая-то общая
звериная тоска,
плеща, вылилась из меня
и расплылась в шелесте.
„Лошадь, не надо.
Лошадь, слушайте —
Чего вы думаете, что вы их плоше?

Деточка,
все мы немножко лошади,
каждый из нас по своему лошадь."
Может-быть
— старая —
и не нуждалась в няньке,
может быть и мысль ей моя
показалась пошла —
только
лошадь
рвнаулась,
встала на ноги,
ржанула
и пошла.
Хвостом помахивала —
рыжий ребенок.
Пришла веселая,
стала в стойло.
И все ей казалось —
она жеребенок,
и стоило жить
и работать стоило!

НЕОБЫЧАЙНЕЙШЕЕ ПРИКЛЮЧЕНИЕ

БЫВШЕЕ СО МНОЙ

С

ВЛАДИМИРОМ МАЯКОВСКИМ

НА ДАЧЕ РУМЯНЦЕВА, ПУШКИНО, АКУЛОВА ГОРА,
ЯРОСЛАВСКАЯ Ж. Д.

СОЛНЦЕ

В сто сорок солнц закат пылал.
В июль катилось лето.
Была жара,
жара плыла,
На даче было это.
Пригорок Пушкино горбил
Акуловой горою,
А низ горы деревней был,
Кривился крыш корою.
А за деревнею дыра,
И в ту дыру наверно
спускалось солнце каждый раз
медленно и верно.
А утром снова
мир залить
вставало солнце ало,
и день за днем ужасно злить
меня
вот это
стало.
И так однажды разозлясь,
что в гневе все поблекло,
в упор я крикнул солнцу:
„Слазь!
довольно шляться в пекло! —
Я крикнул солнцу:
„Дармоед!
занежен в облака ты,
а тут
не знай ни зим, ни лет

Сиди —
рисуй плакаты!“
Я рявкнул солнцу
„Погоди!
Послушай злато-лобо —
чем так без дела заходить
ко мне
на чай зашло-бы.“
Что я наделал!
Я погиб!
Ко мне
по доброй воле
само
расставив лучь-шаги
шагает солнце в поле.
Хочу испуг не показать
И ретируюсь задом.
Уже в саду его глаза
Уже пролезло садом.
В окошки,
в двери,
в щель войдя,
ввалилась солнца масса.
Ввалилась.
Дух переведя
заговорило басом;
„Гоню обратно я огни
впервые с сотворенья.
Ты звал меня?!
Чаи гони!

Гони поэт варенье.“
Слеза из глаз у самого,
Жара с ума сводила.
Но я
ему
на самовар.
„Ну что ж —
садись светило.“ !
Чорт дернул дерзости мои
орать ему.
Сконфужен
я сел на уголок скамьи
Боюсь
не вышло б хуже.
Но странная
из солнца
ясь
струилась.
И степенность
забыв,
сижу разговорясь
с светилом
постепенно.
И скоро,
дружбу не тая,
бью по плечу его я.
И солнце тоже:
„Ты
да я,
ведь нас, товарищ, двое.

Пойдем, поэт,
взорим,
вспоем
у мира в сером хламе.
Я буду солнце лить свое,
а ты
свое
стихами."
Стена теней,
ночей тюрьма
под солнц двустволкой пала.
Лучей и света кутерьма
Сияй
Во что попало!
Устанет то
и хочет ночь
прилечь —
тупая сонница,
Вдруг
Я
во всю светаю мочь
и снова день трезвонится.
Светить всегда
Светить везде.
До дней последних донца
Светить
и ни каких гвоздей!
Вот лозунг мой
и солнца.

SPECIAL 85B
48682
GETTY CENTER LIBRARY